

История России в переломную эпоху: взгляд словенца*

Существует довольно много воспоминаний словенцев (как представителей интеллигенции, так и простых крестьян) о России в 1914–1918 гг. Какие-то из них были опубликованы еще при жизни авторов, многие увидели свет совсем недавно, уже после обретения Словенией независимости, их публикация связана с возросшим интересом словенцев к возрождению исторической памяти своего народа. Некоторые до сих пор находятся в личных архивах потомков авторов. Главным образом это мемуары бывших военнопленных, повествующие о том, как складывалась их судьба сначала в российском плену, затем после Октябрьской революции — в рядах Красной или Белой армии, их попытках вернуться на родину.

Среди этого обширного пласта словенской мемуарной литературы воспоминания Фердинанда Льва Тумы занимают особое место. Тума — единственный словенский национальный деятель и публицист, проведенный в Петрограде все четыре года Великой войны. К сожалению, национально-патриотическая деятельность этого человека не привлекла еще серьезного внимания словенских историков. В годы Первой мировой войны он приложил много усилий к тому, чтобы судьба словенского народа изменилась к лучшему. Пожалуй, до сих пор наиболее полно его

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках работы над проектом № 18-09-00346а «Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники о Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе нового времени: от наблюдений к знаниям».

деятельность освещена в статье известного словенского историка Д. Кермавнера в «Словенском биографическом лексиконе» [Slovenski biografski leksikon 2009]. Почти не изучен и важнейший период жизни Тумы в России в годы Первой мировой войны. В начале 1920-х гг. очень кратко упомянули о деятельности Ф.Л. Тумы (главным образом в связи с изданием его газеты «Югославия») словенский историк Д. Лончар [Lončar 1923: 96–97, 173–174], а также чешская исследовательница М. Паулова [Paulova 1925]. Ряд аспектов деятельности Ф.Л. Тумы в России освещен Е.Ф. Фирсовым, который первым из российских историков обратился к ней в своих статьях [Фирсов 2002; Firsov 2005], а также в некоторых работах автора статьи [Кирилина 2012; 2014].

Воспоминания Ф.Л. Тумы о России, возможно, в 1919 г. и привлекали внимание читателей, но остались совершенно не замеченными исследователями. В настоящей статье делается попытка хотя бы отчасти восполнить этот досадный пробел и выявить особенности восприятия Тумой российской действительности, оценить степень его объективности.

Фердинанд Лев Тума (1883–1961), племянник известного словенского социал-демократа Хенрика Тумы, родился в Любляне, в семье сапожника. Он изучал экономику и страховое дело в университетах Вены, Геттингена и Лондона, был блестяще образованным человеком, знал восемь иностранных языков. Параллельно с профессиональным трудом он занимался литературным творчеством, вел общественно-политическую деятельность, активно сотрудничал со словенскими социал-демократическими и либеральными изданиями. В 1907 г. Ф.Л. Тума вступил в Триесте в ряды Югославянской социал-демократической партии (ЮСДП). Он увлекался идеями неославизма, во время Балканских войн стал сторонником югославянского объединения. В 1910–1913 гг. Ф.Л. Тума работал в Триесте в Союзе страховых обществ Адриатики, а весной

1914 г. отправился в Петербург в качестве представителя датской фирмы «Саламандра», в годы Великой войны работал также в ряде русских страховых обществ.

Все годы войны он провел в Петрограде, активно включился в общественно-политическую жизнь югославян в России. Тума прежде всего сблизился с кругом хорватского эмигранта К. Геруца, одного из активных деятелей общества «Русское зерно», библиотекаря при Государственной Думе, имевшего обширные связи среди российских политиков, по убеждениям — хорватского сепаратиста, придерживавшегося антисербских позиций.

Благодаря связям Геруца в российском министерстве иностранных дел, Тума имел возможность напрямую обращаться к властям. В Архиве внешней политики Российской империи хранятся несколько записок Тумы, датированных 1914–1916 гг. Среди них «Записки о Триесте», очерк «О словенцах в Америке», «Очерк словенской политики с древних времен до войны 1914 года» и др.*. Тума надеялся, что предоставленные им сведения об истории и национальных проблемах словенцев и их судьбе привлекут внимание российских правительственных кругов.

Активное участие он принимал в деятельности созданного в 1915 г. по инициативе К. Геруца хорватско-русского Общества памяти Ю. Крижанича, пропагандировавшего идеи славянского единства (формально Тума не являлся его членом). Он включился как в просветительскую работу общества, так и в проводившиеся по его инициативе акции по оказанию поддержки находящимся в России военнопленным славянам, участвовал и в формировании добровольческих отрядов южных славян, прежде всего Сербского добровольческого корпуса.

В сентябре 1915 г. по инициативе Ф.Л. Тумы было создано словенское общество «Югославия». Он организовал (почти полностью на личные средства) и выпуск одно-

* Архив внешней политики Российской империи. Ф. «Особый политический отдел». Оп. 474. Д. 282, Д. 343, Д. 208.

именной газеты, предназначенной в основном для военнопленных югославын. Это была первая и единственная словенская газета, издававшаяся в России. В Петрограде с октября 1916 г. по сентябрь 1917 г. вышло девять номеров. В газете была напечатана программа Тумы по объединению словенцев, сербов и хорватов в общее государство «Югославия», куда бы они входили на принципах национальной автономии каждого из этих народов, один из ее тезисов был посвящен территориальной связи Югославии с будущим свободным чешско-словацким государством и осуществлению оборонительного и наступательного союза всех славянских государств под эгидой России, декларировался и тезис о тесном сближении славянских и русской национальных культур (подробнее см. [Кирилина 2014]).

Октябрьская революция в России окончательно поставила точку на этом предприятии. Тума не принял новую власть и установленные ею порядки. В 1918 г. руководство фирмы отозвало его в Копенгаген. В 1919 г. он проживал в Любляне и Загребе, в 1920 г. ненадолго вернулся в Россию. С 1923 по 1946 г. (до пенсии) Тума являлся директором Первого чешского страхового банка в Праге. С 1947 г. и до смерти жил в г. Мальме (Швеция).

Воспоминания Тумы о России были опубликованы («по свежим следам» уже в июле — августе 1919 г. в виде серии очерков в 20 номерах газеты «Единость», выходившей в Триесте и являвшейся одним из крупнейших органов словенских либералов. Это была первая серьезная и обширная публикация, вышедшая из-под пера словенца, который был очевидцем событий в Петрограде в 1914–1918 гг. В предисловии к воспоминаниям редакция газеты упомянула, что словенская общественность не знала правды о том, что происходило в России, поскольку черпала сведения в основном из австрийских и немецких газет. Россия после большевистского переворота вообще была скрыта от словенцев «непроницаемой мглой». Редакции посчастливилось получить записки, в которых представлена

«правдивая картина» событий в России в годы войны. Автора записок редакция охарактеризовала как человека образованного, «нашего человека» (т.е. словенца), который «благодаря своим всесторонним связям имел глубокое представление обо всем том, что привело Россию к ее окончательному слову» (Edinost. 27.07.1919. № 202).

Была ли эта публикация выполнением социального заказа, осуществленным по просьбе редакции газеты? Скорее всего, нет. Вероятно, Тума сам проявил инициативу и предоставил газете, с которой давно сотрудничал, свои воспоминания. Публиковались они на страницах газеты крупными блоками (1–2 газетных полосы). Редакция информировала читателей о том, что публикует материал в виде серии очерков «в строгом соответствии с записками» Тумы.

Текстологический состав их неоднороден. Вероятно, большая часть текста написана на основании каких-то личных записей — об этом свидетельствует подробность и четкая последовательность отображения происходивших в России событий, каких-либо ошибок в хронологии не наблюдается. Вместе с тем, складывается впечатление, что типичного дневника с подневными записями Тума не вел — в тексте крайне редко встречаются точные даты описываемых событий, как правило, автор ограничивается упоминанием их месяца или времени года (например, «весной 1918 г.», «летом 1914 г.» и т.д.). Есть несколько эпизодов, взятых из статей самого же Тумы в газете «Югославия», например, пересказ газетных материалов о расколе в Сербском добровольческом корпусе в начале 1917 г. (ср.: Edinost. 07.08.1919. № 213; Jugoslavija. 09.07.1917. № 7–8. S. 40–43; 01.09.1917. № 9. S. 55–56). Удалось идентифицировать также повтор некоторых отрывков из личных писем (например, предлагаемая Тумой характеристика тяжелейшей обстановки в Петрограде зимой и весной 1918 г. отчасти повторяет описание, данное им в письме к своей тете Марии из России в мае 1918 г.). Тума поделился сначала с тетей, по-

том с читателями «Единости» некоторыми потрясшими его случаями каннибализма, вызванного последствиями голода и разрухи. Китайцы, выполнявшие в Петрограде черную работу, лишившись заработков, рассеялись по лесам близ Петрограда, «где жили как дикие звери», часто ловили русских детей в деревнях, убивали и поедали (ср.: *Edinost*. 12.08.1919. № 218; [Ferdinand Lev Tuma]).

Воспоминания Тумы носят подчеркнуто безличностный характер, автор избегает исповедальности, отказывается от прямых упоминаний своей деятельности в этот период. Этими особенностями его воспоминания значительно отличаются от большинства словенских мемуаров, в которых бывшие военнопленные прежде всего делятся своими чувствами и личным опытом, приобретенным в России.

Так, в очерке, посвященном деятельности словенцев в Петрограде, Тума пишет, что «словенцы» основали газету «Югославия». На самом деле «Югославию», как говорилось выше, издавал лично Тума, в основном на собственные деньги, о чем он упоминал на ее страницах (*Jugoslavija*. № 7–8. 09.07.1917. S. 37). Далее Тума отмечает, что в 1916 г. российское правительство в качестве консультанта пригласило в министерство иностранных дел одного словенца. Но ни слова о том, что этим словенцем был он сам! Хотя в первом номере «Югославии» в октябре 1916 г. он открыто утверждал, что «являлся единственным словенцем, которому был «открыт путь к русскому правительству», и что только он имел «возможность информировать правительственные круги о настоящих желаниях и стремлениях словенцев» (*Jugoslavija*. № 1–2. 08.10.1916). Нет ни малейшего упоминания о многочисленных обширных материалах по словенскому вопросу, посылавшихся им в российский МИД. Сообщая о том, что «люблянкой лицейской библиотеке (ныне Национальная и университетская библиотека г. Любляны. — *Л. К.*) посчастливилось получить полный комплект» номеров «Югославии» (*Edinost*. 07.08.1919. № 213), он не уточнил, что сам же их ей и подарил.

На родину Тума вернулся после многолетнего отсутствия. За рубежом все эти годы он активно занимался политикой. Казалось бы вполне логичным желание Тумы подчеркнуть значимость своего вклада в борьбу за образование Югославии с целью активного личного участия в политической жизни нового государства. Он же, напротив, его завуалировал. Почему? Из скромности? Вряд ли это связано с отсутствием у Тумы политических амбиций. Известно, что в 1921 г. он выдвинул свою кандидатуру на выборах в общинный совет Загреба, и был избран. Утвердиться в словенских землях в качестве серьезной политической фигуры ему не удалось, а в 1923 г. он навсегда покинул родину. Для Тумы главное значение все же имела профессиональная карьера, а излишние упоминания о его энергичной общественной и политической деятельности в России, вероятно, могли бы негативно на ней отразиться.

Какой же предстает Россия 1914–1918 гг. через призму восприятия словенского интеллигента? Какие черты личности и мировоззрения автора отражены в его сдержанных, почти документальных записях?

Наиболее ярко авторская позиция проявляется в его оценках российских правящих кругов, интеллигенции, народа, а также деятельности в России представителей австрийских славян.

Война 1914 г., как пишет Тума, разразилась неожиданно, никто в России не был к ней готов. Одной из главных причин военных поражений русских в 1915 г., как считал Тума, «невероятное легкомыслие высших российских кругов» в вопросах снабжения армии и организации военных действий (исключением он считал Брусилловский прорыв; *Edinost*. 31.07.1919. № 206). По его мнению, следствием поражений стала «потеря веры народа в руководителей странь» (*Edinost*. 01.08.1919. № 207). С осуждением писал он о влиянии Григория Распутина на императорскую семью, о благоволении императри-

цы немцам (Edinost. 02.08.1919. № 208). Об императоре Николае II Тума отзывался с уважением, подчеркивал его «нерушимую верность союзникам», проявившуюся, например, в том, что в 1916 г. он отказался от заключения сепаратного мира с Германией (Edinost. 03.08.1919. № 209). К Великому князю Николаю Николаевичу Тума также испытывал уважение, однако отмечал не увиденную им вовремя опасность сильного «полевения» России. Если бы Великий князь мог ее предугадать, то не отдал бы в руки Временного правительства должность Верховного главнокомандующего после Февральской революции (Edinost. 06.08.1919. № 212).

Февральскую революцию Тума охарактеризовал как «искусственную революцию, инсценированную правительством» (Edinost. 03.08.1919. № 209). Судя по некоторым кратким замечаниям словенца, он был вхож в круг государственных деятелей, осуществивших эту «революцию сверху», а затем возглавивших Временное правительство. Тума упоминает об одном званом ужине, на котором он присутствовал поздней осенью 1916 г., где обсуждались вопросы будущего переворота, отречения Николая II и возведения на престол его брата Михаила Александровича, восстановления парламента и т. д. (Edinost. 02.08.1919. № 208).

Деятельность Временного правительства разочаровала Туму. По его мнению, буржуазные лидеры, пришедшие к власти в результате Февральской революции 1917 г., не имея опоры в массах, потеряли почву под ногами. По всей видимости, Тума был хорошо знаком с одним из них — лидером партии октябристов и членом Государственного совета А. И. Гучковым. Между ними завязались и профессиональные связи. Гучков, занимавший в 1915–1917 гг. должность председателя Центрального военно-промышленного комитета, являлся также председателем наблюдательного комитета страхового общества «Россия», куда в 1916 г. был принят на работу Тума. По

его воспоминаниям, Гучков, ставший военным и морским министром Временного правительства, уже в первые недели после Февральской революции в узком кругу доверенных лиц говорил: «Мы полностью потеряли руководство революцией». Тума отметил, что «один единственный взгляд на этого человека показал его полную моральную потерянность». Крайне негативно отзывался Тума о министре-председателе Временного правительства А.Ф. Керенском и об известном историке, лидере кадетов П.Н. Милюкове, занявшем во Временном правительстве пост министра иностранных дел (Edinost. 11.08.1919. № 217). С глубоким уважением относился он к генералу Л.Г. Корнилову, считая его «невероятно храбрым человеком», стремившимся «навести в России порядок» (Edinost. 10.08.1919. № 216). Тума полагал, что только Корнилов в августе 1917 г. мог сдержать последующее выступление большевиков.

Отношение Тумы к российской интеллигенции и народу не отличалось новизной — в частности, многие его характеристики перекликались с теми, что дали словенский либерал Б. Вошняк в 1912 г. в очерке «Зимние дни в Петрограде» [Vošňjak 1912: 1–2] и проживавший в России в 1907–1917 гг. словенский филолог и писатель Я. Лаврин в ряде статей в журнале «Славянский мир» [Чуркина 2011: 33–34]. В целом можно говорить о том, что это был «взгляд европейца на отсталую во многих отношениях страну». Добавим, взгляд, полный разочарования.

По мнению Тумы, интеллигенция — мощная сила, руководящая народом. Однако в России, считал он, между этими слоями существуют колоссальные различия. Интеллигенция идет своим путем, не заботясь о развитии народа. Она «эгоистична» и «бездеятельна». Тума об этом он пишет летом 1915 г., вспоминая, что, впервые прочитав на русском языке «Мертвые души» Н.В. Гоголя, сказал своим друзьям, что русские интеллигенты по-прежнему произносят те же фразы, что и 100 лет назад,

и по-прежнему не знают, что делать (Edinost. 14.08.1919. № 220). По мнению Тумы, когда наступил критический момент, русская интеллигенция «не имела ни достаточной политической школы, ни понимания тактических действий, ни достаточных знаний», чтобы выдвинуть что-то в противовес новым радикальным программам (Edinost. 06.08.1919. № 212). Политических партий в европейском понимании, как полагал Тума, в России не было. Крестьянское население совсем не разбиралось в политике, политическое движение развивалось нелегально только среди рабочих крупных центров, т.к. политическая деятельность (опять-таки в европейском смысле) в России из-за «неправильных» законов была невозможна (Edinost. 08.08.1919. № 214).

Тума был убежден в том, что «история русского большевизма показала, что и народ представляет очень мощную силу». Но он необразован, имеет склонность к алкоголизму. «Русский в своей душе крайний индивидуалист, нигилист, анархист... Воспитания у русского никакого». В его характере нет дисциплинированности, но сильно стремление к протесту. Эти особенности русского национального характера и способствовали распространению большевизма в России (Edinost. 13.08.1919. № 219). Здесь Тума не удержался от сопоставления ситуации в России с более упорядоченным словенским обществом. Он подчеркнул, что в словенских землях программы и цели партий, их лидеры были «более-менее известны», русские же крестьяне «не знали никого, кроме царя, не знали, на кого опираться», поэтому поверили обещаниям большевиков (Edinost. 14.08.1919. № 220).

В своих воспоминаниях Тума постоянно акцентирует внимание на национальном вопросе. Здесь проявляется еще одна грань его личности — славянский национализм, крайняя неприязнь к немцам и евреям. Это было вполне характерно для умонастроений словенской национальной интеллигенции того времени, когда словенско-немецкий

антагонизм достиг своего пика. Так, одной из основных причин катастрофы, постигшей Россию, является прежде всего сильное немецкое и еврейское влияние, считал словенский патриот. Немцы воспринимались им как исконные враги и поработители славян. Неприязненное отношение было у словенцев и к евреям, хотя в словенских землях их проживало очень незначительное количество.

С горечью он отмечал, что русская интеллигенция в целом равнодушна к национальному вопросу, а те национальные издания, которые она имела накануне войны, «реакционны» и «непопулярны» (Edinost. 27.07.1919. № 202). Следствием этого «национального равнодушия» правящих кругов и интеллигенции стало «немецкое влияние» в предвоенной России, которое Тума усматривал всюду. Много немцев было в министерствах, среди высшего офицерства, даже педагогическая система была построена по немецкому образцу (Edinost. 27.07.1919. № 202). Радикальные партии были связаны с немцами (Edinost. 06.08.1919. № 212). Рабочее движение в России, по мнению Тумы, было в руках евреев. Вожди социалистов происходили из интеллигенции, народа не понимали. Руководство кадетской партии также почти полностью состояло из евреев, аналогичная ситуация наблюдалась и у большевиков. Они регулярно получали деньги из Германии (Edinost. 09.08.1919. № 215). Все русские банкиры летом-осенью 1917 г. желали прихода немцев в Петроград, боясь за свой карман (Edinost. 13.08.1919. № 219). Последнее утверждение, кстати, перекликается со словами Д. Рида в книге «Десять дней, которые потрясли мир» о том, что в октябре 1917 г. «значительная часть» русских «имущественных классов предпочитала немцев революции» [Рид: 13].

Один из очерков в газете «Единость» был целиком посвящен деятельности словенцев в России в 1914–1917 гг., в первую очередь — публикациям первой словенской газеты «Югославия». Тума с горечью отмечал, что «ситуация

была такова, что в России о словенцах вообще ничего не знали, и стремления словенцев ни у кого не находили поддержки», а посему изданию словенской газеты «русское правительство создавало большие препятствия». Из-за этого обстоятельства организовать выпуск первого номера «Югославии» удалось лишь в конце 1916 г., когда политическое положение изменилось к лучшему.

По мнению Ф. Л. Тумы, осенью 1916 г., после ряда военных поражений, российское правительство «стало намного больше интересоваться вопросом австрийских славян, поскольку считалось с вероятностью того, что одной богатырской силой невозможно будет раздробить Австрию, и что решить эту задачу следует путем расширения революционного движения среди славянских народов Австро-Венгрии». С этой целью в министерстве иностранных дел был создан департамент по особым политическим делам, возглавил который бывший российский генеральный консул в Будапеште М. Г. Приклонский. «Лишь тогда, — писал Тума, — русское правительство начало изучать и югославянский вопрос, собирать материалы, в том числе был приглашен в министерство также один словенец в качестве профессионала-консультанта».

Тума утверждал, что у русского правительства сложилось благоприятное мнение о словенском народе, который «солиден и заслуживает доверия», является «среди всех славянских народностей в России наименее склочным». По мнению Тумы, особенно импонировал российским правительственным кругам высокий культурный уровень словенцев по сравнению с другими славянами (за исключением чехов). Согласно статистическим данным, по уровню грамотности населения словенцы занимали второе место среди славянских народов Австро-Венгерской империи, лишь немного уступая чехам, у хорватов по сравнению со словенцами уровень грамотности был в три, а у сербов даже в четыре раза ниже (Edinost. 07.08.1919. № 213).

Складывается впечатление, что автор был сильно уязвлен равнодушием российского правительства и общественности к словенцам, их неосведомленностью относительно национальных проблем этого народа. В рассказе Тумы о словенцах в России подчеркивается, с одной стороны, насколько энергичной была их деятельность по сплочению национальных сил и привлечению в свои ряды новых приверженцев югославянской программы, с другой же отмечается, как много внимания уделялось стараниям словенских патриотов (прежде всего, самого Тумы, хотя он не пишет об этом прямо) «достучаться» до русского правительства и склонить его к поддержке национальных чаяний словенцев. Приведенная в конце этого очерка лестная оценка, якобы данная русским правительством словенцам, как бы показывает, к какому положительному результату привела их деятельность к 1917 г., до того, как все, чего удалось достичь словенцам в России, разрушила Октябрьская революция.

В своих воспоминаниях Тума акцентирует внимание на роли, которую играли в России в годы войны деятели австрийских славян. При этом он подчас не избегает преувеличений. Например, он пишет, что, как только началась война, австрийские славянские круги в России развернули борьбу против Австрии, что в переименовании русской столицы в Петроград — «исключительная заслуга этих славянских кругов, которые собирали подписи под прошением царю об этом» (Edinost. 28.07.1919. № 203). Здесь налицо если не сотворение мифа, то явное смещение акцентов. Действительно, вскоре после начала Первой мировой войны чешская колония в Петербурге первой выступила с воззванием, в котором предлагалось составить ходатайство царю о переименовании столицы в Петроград, т. е. о замене ее немецкого названия русским. Уже 31 августа 1914 г. вышло высочайшее повеление Николая II о переименовании столицы, однако склонил императора к принятию этого решения, выглядевшего вполне естественно на фоне

патриотического подъема и развернувшейся масштабной антинемецкой кампании, предположительно министр землеустройства и земледелия А. В. Кривошеин [Лурье 2014].

Тума в своих записках не обошел вниманием и деятельность австрийских югославян. Он подробно описал конфликт в Сербском добровольческом корпусе в 1916 г., причиной которого был шовинизм сербских офицеров, не желавших считаться с национальными правами хорватов и словенцев. Тума отмечал, что к тому времени среди представителей южных славян в России сформировались два политических направления по вопросу о будущем югославянском государстве: одно — великосербское, представители которого стремились к «гегемонии сербов над хорватами и словенцами» и другое, приверженцы которого (в их числе и сам Тума) выступали за создание государства «на основе равноправия всех трех югославянских племен» (Edinost. 07.08.1919. № 213). После Февральской революции хорваты и словенцы Сербского корпуса выступили с осуждением сербского шовинизма и заявили, что воюют за создание равноправной Югославянской федерации, многие из них вышли из состава корпуса и вступили в ряды русской армии. Уже летом 1917 г. газета «Югославия» стала официальным органом не только словенцев, но и вставших на югославянские позиции сербов и хорватов (Edinost. 07.08.1919. № 213).

Революцию в октябре 1917 г. Тума воспринял как неожиданное событие, осуществленное латышами с помощью немецких денег. Октябрьская революция для Тумы — «типичный пример переворота с помощью армии наемников» (Edinost. 11.08.1919. № 217). Тума с глубокой горечью писал о результатах установления власти большевиков. Вся огромная Россия для руководителей большевиков — просто плацдарм «для бесчисленных экспериментов». Большевики уничтожили в России ремесло, промышленность, земледелие. В стране разруха, голод, безработица, террор. С негодованием отзывался он о заключении мирного до-

говора: «Комедия в Брест-Литовске была инсценирована по договоренности между Германией и большевиками за много месяцев до того, как ее разыграли в действительности» (Edinost. 12.08.1919. № 218).

Впрочем, главные умозаключения, к которым пришел словенец, оказались совершенно не верными. Он полагал, что вскоре в России произойдет политическая реставрация, и начнется она с требования ревизии мирного договора. Ведь в 1916 г. Россия своими героическими действиями спасла положение союзников. Если бы не революция, германский император Вильгельм II и российский император Николай II были бы сейчас «безусловными деспотами всей Европы». Русские должны были изменить условия мира в соответствии со своими жертвами. Иностранная интервенция в Россию не нужна, русский народ сплотил свои силы и свергнет угнетателей без чужой помощи. Обновленная Россия станет важным фактором мировой политики (Edinost. 15.08.1919. № 221).

Тума искренне верил, что новой власти скоро придет конец. И существенную роль в ее будущем падении он опять-таки отводил австрийским славянам. По его мнению, они уже неоднократно оказывали благотворное влияние на ход событий — именно они помогли бежать генералу Корнилову из плена после подавления мятежа, а затем сражались в рядах его армии против большевиков. Тума с гордостью подчеркивал, что после раскола в Сербском корпусе часть бывших военнопленных вступили в русскую армию, «среди них 5000 сербов из бывших австрийских земель... 11 тыс. этих добровольцев сейчас в Сибири, где плечом к плечу с армией Колчака борются против большевиков. 1500 из них сражаются против большевиков на архангельском фронте вместе с англичанами, французами и американцами, 1200 (среди них несколько словенцев) отправилось в сентябре 1917 г. в Солунь, где вместе с итальянцами сражаются против Австрии» (Edinost. 07.08.1919. № 213). Чехословацкие войска стали

первым «ядром антибольшевизма», во многих боях против большевиков отличились и югославы. «Близится миг, когда русский народ стряхнет с себя ярмо большевизма. Великие армии организованы, они взяли на себя то, что ранее начали чехи и югославы», — с воодушевлением писал словенец (Edinost. 15.08.1919. № 221).

Славянский патриотизм привел Туму к весьма неожиданному выводу, показывающему узость националистической позиции автора: «Для славянских народов большевистское движение в России принесло свою пользу, а именно — русский народ лишь в годы своего величайшего несчастья понял, что такое славянский вопрос, и кто такие эти славянские народы». И теперь вся сознательная Россия им благодарна, а ведь перед войной о славянах писали пренебрежительно (Edinost. 15.08.1919. № 221).

Великая Россия, на которую австрийские славяне могли бы опереться — вот что было главным для Тумы, как и для других словенских русофилов. Отсутствие интереса к католическим славянам Австро-Венгрии со стороны российского правительства и общественности больно ранило их самолюбие. Из этого произрастало и то чувство своеобразного «реванша» — Россия истерзана, ее постигло несчастье, но зато она наконец-то поняла, что австрийские славяне — ее братья и поддержат в трудную минуту.

В целом, несмотря на подчеркнутую отстраненность изложения и явное стремление автора, отмежевавшись от своего «эго», дать объективную, «научную» картину событий и аргументированно обосновать свои выводы, характерные черты его личности и мировоззрения накладывают сильный отпечаток на произведение. Тума трактовал факторы, «звергнувшие Россию во мглу», с позиций словенского и югославянского патриотизма, акцентируя внимание на аспектах славянской взаимности, всячески подчеркивая важность попыток австрийских славян, находившихся в России, направить ход событий в «правильное» русло. Характеристики, данные им россий-

ским политическим деятелям (в том числе и большевикам), во многом перекликаются с западноевропейскими клише того времени. Интерпретация автором российских реалий не могла быть объективной и взвешенной, да этого и невозможно ожидать от очевидца великих событий, подоплеку и истинного значения которых он не понял.

Публикация воспоминаний Ф.Л. Тумы о России в период Великой войны и Октябрьской революции, несомненно, способствовала формированию матрицы представлений словенцев о России царской и России большевистской, они восприняли их как «достоверные» сведения, полученные «из первых рук» — от своего земляка, волею случая оказавшегося свидетелем великого переворота в «таинственной незнакомке» России.

Литература

- Кирилина Л. А.* Триест — словенцам! Записка Ф. Л. Тумы о Триесте // Родина. 2012. № 2.
- Кирилина Л. А.* Ф. Л. Тума и его газета «Югославия» // Slovenica III: Первая мировая война в политике и культуре русских и словенцев. М., 2014.
- Лурье Л.* Переименование Петербурга в 1914 г.: роковая смена имени // Русская служба BBC. 2014. 30.08. Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/blogs/2014/08/140830_blog_lurie_petrograd.
- Рид Д.* Десять дней, которые потрясли мир. Режим доступа: http://royallib.com/book/rid_dgon/desyat_dney_kotorie_potryasli_mir.html.
- Фирсов Е. Ф.* Югославяне К. Геруц и Л. Тума — создатели и меценаты славянских культурных обществ в прежней России // Югославянская история в новое и новейшее время. М., 2002.
- Чуркина И. В.* Журнал «Славянский мир» Янко Лаврина // Янко Лаврин и Россия / Отв. ред. Ю. А. Созина. М., 2011.
- Ferdinand Lev Tuma* // Rodbina Tuma iz Ljubljane. Режим доступа: <http://www.tuma.si/Strani/FerdinanadLevTuma.html>.
- Firsov E.* Lev Tuma in Krunislav Heruc: Ustanovitelja in meceni jugoslovan-
skih kulturnih društev v carski Rusiji // Anthropos. Ljubljana, 2005.
- Lončar D.* Politično življenje slovencev. Ljubljana, 1923.
- Paulova M.* Jugoslavenski odbor. Zagreb, 1925.
- Slovenski biografski leksikon 1925–1991.* Elektronska izdaja. Ljubljana, 2009.
Режим доступа: <http://www.slovenska-biografija.si/oseba/sbi732523/>.
- Vošnjak B.* Zimski dnevi v Petrogradu // Veda. Dvomesečnik za znanost in kulturo. Gorica, 1912.